

Сергей Сергеевич Заяицкий

Красавица с острова Люлю

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Сергей Сергеевич Заяицкий

Красавица с острова Люлю / Сергей Сергеевич Заяицкий – М.: Книга по Требованию, 2011. – 64 с.

ISBN 978-5-4241-2845-5

"Красавица с острова Люлю" - литературная мистификация С. С. Заяицкого, одного из первых русских авангардистов.

ISBN 978-5-4241-2845-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Заяицкий Сергей Сергеевич
Красавица с острова Люлю

С. Заяицкий
Красавица с острова Люлю
Посвящается железнодорожным путешественникам
ПРЕДИСЛОВИЕ

"Посвящая свой роман железнодорожным путешественникам", - пишет Пьер Дюмель [Пьер Дюмель. - Красавица с острова Люлю - литературная мистификация С. С. Заяицкого.] в предисловии к французскому изданию, - я вовсе не хотел унижить свой роман или обидеть самих путешественников. Нет. Напротив! Я считаю, что железные дороги - это единственное место, где современный человек имеет время на чтение беллетристических произведений, и только железнодорожные путешественники сохранили еще редкую способность плакать и смеяться над вымыслом".

Пьер Дюмель - непримиримый враг буржуазной культуры, и роман его является сатирой на быт и идеологию отжившего класса. Правда, весь роман Дюмеля немного наивен, и он слишком легко разрешает в нем самые сложные социальные проблемы, но не нужно забывать, что Пьер Дюмель прежде всего француз, истинный сын "прекрасной Франции", о которой он так часто вспоминает в своем романе.

Пьер Дюмель в своем романе никому не подражает.

Он - враг стилизации. В анкете, предпринятой французским обществом "Защиты писателей от жестокого обращения", на вопрос "Ваша любимая книга" Пьер Дюмель отвечает: "Она еще не написана".

Заметим, что критики, нападавшие на Дюмеля, в своем ожесточении доходили до того, что отрицали самый факт его существования.

Пьер Дюмель - явление вполне современное.

Часть первая

Глава I

Инженер Симеон пробует новый трактор Морис Фуко, вернувшись от нескольких родственников, у которых он тщетно старался занять деньги, нашел у себя на столе запечатанный конверт из такой прекрасной толстой бумаги, что его жалко было разрывать, и вынул маленькую карточку всех цветов радуги. На ней напечатано было:

ШАТО ТЕРЕЗ СПЕШИТЕ! БЕГИТЕ!! ТОРОПИТЕСЬ!!!

только сегодня 25 июня!

только сегодня!!!

Сто развлечений в секунду!

САМОЕ ЛУЧШЕЕ ВИНО! САМЫЕ КРАСИВЫЕ ЖЕНЩИНЫ!

САМЫЕ ЭНЕРГИЧНЫЕ МУЖЧИНЫ!

Начало в 10 час. вечера.

Окончание в день всемирной революции!

Содержатель бара - ПЬЕР ЛАМУЛЬ

Морис Фуко, прочитав объявление, расхохотался.

- Ах, старая дыня! - вскричал он.

25 июня был день рождения Терезы Ламуль, супруги Пьера Ламуля, богатейшего во Франции банкира, женившегося всего год тому назад на Терезе Прекрасной - "королевской кокотке", как ее называли после того, как приехавший в Париж сиамский король подарил ей серебряного слона величиною с крупного сенбер-

нара. Не доверяя своей наружности и не без основания полагая, что ни Парис, ни Феб, ни другие знаменитые красавцы не имели во внешности ничего напоминающего дыню, Пьер Ламуль старался удерживать любовь Терезы Прекрасной разными эксцентрическими выходками: нанял негра, который, стоя в углу гостиной, ритмически отсчитывал секунды и минуты, а в полдень и в полночь бил в гонг и плясал воинствен-ные пляски своей родины; поставил в ее будуаре автомат, из которого при нажатии кнопки выскакивали серьги, браслеты, кольца и другие драгоценные безделушки, ежедневно возобновляемые крупнейшими французскими ювелирами; наконец, дабы удовлетворить природные ее склонности, он иногда превращал свой дом в один из тех баров, которые некогда озарялись улыбками Терезы.

Морис Фуко вспомнил, что проект этого вечера пришел в голову банкиру в то время, когда Морис сидел в его золотом блещущей гостиной, вспомнил, как Тереза кинулась, обнимать своего супруга и как, обнимая и тиская его, она протянула Морису свою ножку, из туфельки ко-торой торчала записка. Записка эта и теперь еще лежала перед ним. В ней было всего одно слово, напечатанное на пишущей машинке: "ЛЮБЛЮ".

Он поглядел на себя в зеркало и в то же время припомнил лицо банкира. Сравнение было в его пользу.

Ни одна женщина (кроме близоруких и увлеченных политикой) не проходила мимо Мориса, не смерив его долгим взглядом, а Антуан, его старый лакей, ежемесячно продавал на бумажную фабрику солидный мешок голубеньких и розовеньких бумажек, содержащих объяснения в любви и приглашения на свидания, а иногда даже намеки на тысячу, другую франков. Последние письма обычно откладывались отдельно. Но Морис был не только красив, он был еще скромн и к тому же влюблен, как говорится, со всем пылом юной страсти в Прекрасную Терезу. И теперь, целуя это "люблю", нащелканное сотни раз целованными пальчиками, он почувствовал на глазах слезы умиления.

* * *

Перед дачей банкира уже толпились десятки автомобилей, от прожекторов которых было светло, как днем.

Из автомобилей выскакивали мужчины во фраках и дамы в платьях, столь же пестрых, сколь и легкомысленных, при виде коих внезапно в вечерней синеве покраснел над дверью огромный фонарь с надписью "Ш А Т О Т Е Р Е З" Негритенок помогал гостям вылезать из автомобилей, китайчонок распахивал перед ними двери, а огромный пагаговец предлагал им тут же в передней большой бокал клюшона, который черпал из огромного льдом обложенного серебряного чана. Уже на лестнице начинала слегка кружиться голова от улыбок, бриллиантов, голых рук и спин, колючего клюшона и грустно-веселой музыки. А за окнами томилась синяя мудрая звездная ночь, и вдали над Парижем трепетало бело-розовое зарево.

Над лестницей висел огромный плакат с надписью: "ВСЕ ДОЗВОЛЕНО" А под этим: "О даме, отказавшейся поцеловать кавалера по первому требованию и в указанное им самим место, прошу немедленно доносить директору бара Пьеру Ламулю". Под этими плакатами иные пары уже соединяли свои губы. Всем, даже самым добродетельным женщинам захотелось вдруг обратиться в тех, на которых с таким негодованием смотрели они из своих автомобилей, возвращаясь ночью

из оперы, и, хватая за рукава незнакомых мужчин, они шептали им признания, при воспоминании о которых, вероятно, предстояло краснеть им до следующего подобного праздника.

Морис Фуко доехал до заставы с поездом метрополитена и пошел пешком, отчасти потому, что у него не было денег на более современный способ передвижения, но главным образом потому, что хотел лучше впитать в себя поэзию этой ночи. Он шел, и мечты о предстоящих поцелуях Терезы волновали его до того, что повстречавшиеся ему два жандарма долго совещались, глядя ему вслед. Поминутно его обгоняли автомобили, но он предпочитал в таких случаях прятаться за деревьями, дабы кто-либо из знакомых не вздумал подвозить его. Он вошел уже в парк, принадлежащий банкиру, и, сорвав розу, погрузил в ее влагу свои уста, воображая себе... в этот миг кто-то тронул его за локоть... В темноте рядом с ним стояла одинокая женская фигура. Она робко сунула ему в руку какую-то бумажку и вдруг побежала прочь, пряча голову в черный платочек. Первою мыслью его было, что Прекрасная Тереза подслала свою горничную с запиской, но она не могла знать, что он придет пешком. При свете зажигалки он развернул бумажку: грубым, словно детским почерком написано было:

"Если вы не презираете любви девушки простого происхождения, то приходите под утро в лебединую беседку. Господь вознаградит вас, ибо вы спасете гибнущее сердце".

Этого не доставало! Он с презрением сунул бумажку в карман. Какая-то судомойка вздумала конкурировать со своей госпожой... Во рту его стало вдруг горько. Он раскусил розан. Выплюнув цветок и еще раз пожав плечами, он вышел на главную аллею и, пройдя между рядами автомобилей, вошел в дом. Какая-то дама схватила его за плечо, другая прижалась к нему полностью обнаженной спиной, но он видел там, в конце зала, ярко-красное с белым пятно - Терезу, красное было ее платье, белое ее руки, шея, грудь. Красного было меньше, чем белого. Через секунду он уже обнимал гибкий стан и, глядя в страстные, большие глаза, вел красавицу среди живого потока под звуки таинственного фокстрота. На ораторской кафедре, взятой напрокат у одного из членов бывшего русского Временного правительства и обклеенной карикатурными плакатами, стоял сам Пьер Ламуль и кричал, неистово звеня колокольчиком:

"Первому, кто напьется вдребезги, выдается золотой кубок! Дам, целующих кавалеров, прошу брать с них расписки! Представившая тысячу расписок провозглашается королевой поцелуев. О-ге-ге... У-лю-ли! Бонвиваны всех стран, соединяйтесь!".

- С тебя я не буду брать расписок, - говорила Тереза, пожирая глазами Мориса и грациозно в танце покачивая свой стан.

- А я не буду их тебе давать! Во Франции не хватит бумаги.

И они снова слились с пестрою толпою.

Кончив кричать, Пьер Ламуль подошел к столику, за которым сидел Роберт Валуа - славный потомок свергнутой династии, адвокат Жан Эбьен - племянник Гамбетты- и Сергей Иванович Ящиков, русский эмигрант из военных, человек с красной шеей и сангвиническим цветом лица.

- Дамы, - говорил Эбьен, наливая себе бокал шампанского, - превосходят самих себя!

- В - них проснулись инстинкты, - сказал Валуа, отрезая ломтик сыру: они-

таки добились своего, как говорила моя прабабушка Екатерина Медичи, слушая в Варфоломеевскую ночь крики избиваемых гугенотов...

- Кто же сейчас исполняет роль католиков и кто гугенотов?- спросил Эбьен.

- О, католики, разумеется, дамы... Они нападают...

- Ко мне подошла одна и сказала: интересная эспаньола, угости коньяком.

- Ха-ха-ха!- расхохотался Ящиков.- Это мне нравится... А? Так и сказала?

- Ну и что, - спросил Ламуль, подойдя к ним и ущипнув одну из проплывших мимо красавиц, - защемило это вас или не защемило?

- Я думаю! Клянусь предком моим Франциском! Штука с перцем!

- С красным или с черным? - воскликнул Ящиков.

- Эти русские не могут без политики!

- Vive le roi Henry Quatre!

- Прошу при мне не упоминать о Бурбонах!

Пьер Ламуль взобрался на стол и заорал, размахивая бутылкой.

- О ла, ла! Живее! Веселее! Хохочите так, чтоб в Москве слышно было!

Глядя на него, бешено замахал смычком румын, и вся толпа понеслась мимо, сталкиваясь, визжа и хохоча. Тогда Пьер Ламуль вдруг сделал знак, и зал погрузился во мрак.

Музыка умолкла, хохот и визг усилились. Но мгновенно опять все осветилось, и почти рядом с собою увидал банкир свою Терезу, страстно обнимающуюся с Морисом Фуко.

- Передышка, - крикнул он менее весело, чем кричал до сих пор, и все кинулись занимать столики.

- Идем сюда,- шепнула Тереза, и они сели вдвоем в углу за маленький столик.

- Старая дыня взбеленилась, когда я тебя обнял...

- Я могу выдать тебе расписку.

На белой стене появился вдруг раскланивающийся Чарли Чаплин. Люстры погасли, и под аплодисменты пирующих стал изощряться в ужимках прославленный киногений.

- Уговори его куда-нибудь уехать!

- Как же! Он жить без меня не может!

- Пошли его к черту!

- А черт разве даст мне в год 200 000 франков?

- О эти франки!

- Да! "О", когда они есть, и "ах", когда их нет!

- Неужели ты продажна, Тереза?

- Не для тебя! В тебя я влюблена, как 10 000 мар - товских кошек!

- Почему только 10 000?

- Ну, двадцать тысяч. А как ты любишь меня?

Морис хотел страстно ответить ей и на секунду задумался, вспоминая, какое из животных всего влюбчивее.

Внезапно по зале пронесся возглас восхищения. Он взглянул на экран и замер от изумления. По пенистой дороге неведомого леса шла красавица... такая красавица... Но все исчезло, и явилась надпись: "Инженер Симе он пробует новый трактор".

- Снова, снова,- раздался голоса,- повторите картину.

Вспыхнули слова: "Виды острова Люлю. Туземная девушка торопится выйти из леса до захода солнца".

Явился неведомый лес и красавица... такая красавица и вновь...

"Инженер Симеон пробует н о в ы й т р а к т о р".

- Снова, снова,- кричали мужчины,- к черту инженера!

- Так как же ты любишь меня?-спросила Тереза, нащупывая туфелькой ногу Мориса, которую тот по рассеянности отдернул.- Ну же!.. Как ты меня любишь?

- Я... я... очень люблю,- пробормотал он, глядя на экран.

- Да перестань смотреть на эту дуру! Как же ты меня любишь?

- Люблю... как...

- Ну, как что?

- Как лошадь!

- Осел!

Среди дам слышался ропот.

- Дальше, дальше,- кричали они, а мужчины орали:- снова, снова!

Наконец окончательно и бесповоротно появился на экране лысый инженер Симеон и заковывал на тракторе по американскому полю. Тереза устала и, больно прищемив локтем палец Мориса, воскликнула:

- Какой красавец... сразу видно, что... избобрел трактор.

И ушла, швырнув в Мориса салфеткой.

Глава II

Привидение XX века

Прекрасная Тереза рассердилась, и все заметили это.

Рассердились вслед за ней многие дамы. Жена Жана Эбьена подошла к нему, взяла его под руку, ушипнула при этом под локтем и, не разжимая щипка, повела по залу.

- Ну-с,- сказала она с лучезарной улыбкой, так что со стороны казалось, что она говорит что-то очень приятное,- мерзавец вы этакий! Не угодно ли вам уехать домой, потаскун проклятый?

И она еще сильнее сжала щипок.

- Люсси!-прошептал истязуемый.

- Поедем домой!

- Но!..

- Или я сейчас пойду и отдамся первому встречному!

Роберт Валуа и Ящиков не имели жен.

- Вот женщина,- говорил первый,- клянусь моим предком Генрихом Анжуйским! Эта женщина! Это то, что называется женщиной!

- Да,- багровея, бормотал полковник,- мда!.. Много женщин видал в родной стороне...но одна лишь из них в память - врезалась мне... Эй, дубинушка, ухнем!

Прекрасная Тереза удалилась, говорят, в свою комнату и там билась сама и была все кругом в ужасающей истерике.

Пьер Ламуль беседовал о чем-то с демонстратором картин, Морис Фуко смущенно стоял возле и, видимо, соображал, как и чем может он теперь вернуть столь близкое и возможное недавно счастье. Веселье внезапно исчезло, как шампанское, вылитое на зыбучий песок. Шипя, как змеи, одевались в передней

дамы. Смущенно улыбаясь, утешали их кавалеры. На патагонца с кроушоном никто уже не обращал внимания. Его затолкали. Китайчонок распахивал двери. Негритенок усаживал в автомобили. Этот маленький черный сын далекого Конго видел в эту ночь поразительные сцены. Он видел, как одна полная дама, сев в автомобиль, сорвала с шеи ожерелье и им принялась хлестать по щекам важного на вид господина, видел и еще много такого, чего, не могли понять его курчавые мозги. Зал опустел. Ламуль простался с Робертом Валуа и с Ящиковым.

- У Терезы мигрень,- говорил он.

- Ящиков сокрушенно вздохнул.

- Передайте мой душевный поклон! У меня в мирное время бывали мигрени!
И знаете, чем вылечился? Лакрицей!

- Но какова женщина!

- Мда.

- Черт знает, что за женщина... и что за остров такой-Люлю!

Последний автомобиль, шурша по гравию, исчез во мраке.

Одна за другою погрузились во мрак комнаты огромной дачи. Банкир прошел к себе в кабинет и по внутреннему телефону вызвал горничную Прекрасной Терезы.

- Как себя чувствует барыня?

- Им все хуже!

- Гм! А не хочет ли она что-нибудь передать мне?

- Сейчас узнаю! Банкир ждал с некоторою дрожью.

- Барыня просили передать... простите, сударь... Я, право, передаю только слова барыни... что вы...

- Ну... ну...

- Что вы... простите ради бога... гнусная скотина...

- ... и урод! - крикнул голос Терезы.

- Да... да... сударь,- простите... и урод!.

Банкир с некоторым облегчением повесил трубку. Он еще дешево отделался. С волнением он стал ходить по своему кабинету, словно прислушиваясь к чему-то. Он снял со шкафа глобус и, сдунув пыль с Великого океана, провел пальцем по тропикам.

Потом он разулся, долго прислушивался и, наконец, стал пробираться по коридору, ведущему в темный зал.

Прислуга, утомленная суетой, спала. Сквозь открытые окна зала доносился глухой гром ночного экспресса и далекий несмолкаемый гул столицы. Воздух был прян, и от садовых цветов и от аромата духов, оставшегося, как воспоминание о плечах и локонах недавно здесь танцевавших красавиц.

Пьер Ламуль, дойдя до середины зала, тихо свистнул. В ответ тоже раздался свист.

- Господин Бисанже? - спросил шепотом Ламуль.

- Я... это вы, господин Ламуль?

- Я... кажется, все спят.

Он прислушался. Ему показалось, что под диваном в куче серпантина прощуршала мышь, но потом снова все смолкло.

- Ну, действуйте... и да хранит нас парижская богоматерь!

Слышно было, как завозился во мраке господин Бисанже.

- Внимание!-сказал он тихо.

Что-то зажужжало, и вдруг на стене явилась "она", та самая, которая торопилась уйти из леса.

- Не вертите, не вертите,-прошептал Пьер Ламуль,-а то опять выскочит это лысое страшилище!

Красавица замерла, словно прислушивалась к чему-то.

Пьер Ламуль подошел к ней совсем близко. Вблизи она была огромна, и, когда он тронул ее, под его рукой закачалось полотно, причем лес и красавица затрепыхались, как простыня на венецианском балконе. Пьер Ламуль отошел. Мыши опять завозились под диваном. Он кинул в них пробкой, попавшей под ногу, и, пятясь задом, стал отступать от экрана, и чем больше он удалялся, тем прекраснее становилась она.

- Бум!!!

Пьер Ламуль опрокинул в темноте один из столиков.

С громом покатились пустые бутылки. Господин Бисанже в ужасе потушил аппарат, а Ламуль замер в той позе, в какой отступал, и сердце его застучало, как пулемет. Но никто не шевелился во всем доме.

- Не слышали,-пробормотал Ламуль,-давайте снова!

Г. Бисанже опять завозился, но от волнения он что-то перепутал, ибо внезапно заковылял на тракторе инженер Симеон. Опять воцарилась мгла, и опять появилась красавица.

Да, несомненно! Это была настоящая красавица. Рядом с нею Прекрасная Тереза казалась маленьким, жалким заморышем...

- Нельзя ли сделать так, чтоб она разделась? - прошептал Ламуль.

Господин Бисанже сокрушенно вздохнул.

- Искусство кино, увы, еще не достаточно подвинулось!.. Что вы хотите, сударь? Эдисон стар, как мышь, и ему не нужно этого... Но братья Патэ... Скоро возьмут патент... Таких братьев,- сударь, не было еще со времен Гракхов... Это настоящие французы, сударь!

Поворот рукоятки, и она еще прекраснее, опять и еще, опять еще...

Зал внезапно озарился. Прекрасная Тереза стояла на пороге, держа в руках свои туфельки. Пьер Ламуль от страха грузно сел на пол, и в этот миг ему показалось, что под диваном, где скреблись мыши, явилась человеческая рука. Но он ничего не мог разглядеть определенно, ибо одна из туфелек с силою бомбы и с удивительной ловкостью полетела ему в переносицу, а другая уже летела вслед господину Бисанже, который бежал, унося с собой все еще зажженный аппарат, так что призрак красавицы мчался впереди него по всем стенам, проваливаясь в окна, появляясь то совсем близко, то далеко, то маленьким, как куколка, то величиной с жирафу. Следом за ним змеился длинный провод.

В зале вновь воцарился мрак. Никто не знает, как провели супруги Ламуль остатки этой обильной приключениями ночи. Все тот же негритенок, любивший спать в саду на скамейке рассказывал на другой день, как по кустам во мрак неслась огромная белая женщина, как следом за нею мчался сам черт с чемоданом, извергающим пламя, и с хвостом через весь сад.

Хвост этот вдруг оторвался, и тогда все исчезло, а когда он, негритенок, опомнившись от страха, решил поднять тревогу, то из входной двери внезапно

появился господин Морис Фуко, весь в пыли и в клочьях серпантина, и сунул ему такую крупную монету, что у него отнялся язык.

Глава III

Необычайное увлечение географическими науками

Остановившись перед дверью с надписью: "Доктор Жан Сигаль", Морис Фуко почувствовал некоторый трепет.

- Доктор принимает?-спросил он горничную.

- Простите, сударь,-отвечала та,-доктор Жан Сигаль-доктор географии...Если вам нужно ухо, горло и нос, то это этажом выше.

- Мне нужен именно доктор географии, вот моя визитная карточка...

- Пожалуйте,-сказала горничная, вернувшись через минуту.

В кабинете, увешанном картами, уставленном глобусами и чучелами, заваленном книгами и рукописями, за большим столом сидел Жан Сигаль, автор нашедшей в свое время книги: "О способах приготовления человеческого мяса у бушменов", которую ловкие книгопродавцы обычно сплавляли рассеянными дамам под видом "подарка небогатым хозяйкам".

Морис Фуко поклонился профессору, а профессор поклонился ему в свою очередь.

- К делу! К делу! Дурак!

Услыхав этот гортанный крик, Морис Фуко вспылал:

- Сударь! - вскричал он гневно.

- Молчи, негодяй! - крикнул профессор и тут же прибавил с любезной улыбкой:- не сердитесь. Это мой попугай. Я к вашим услугам.

Ошеломленный таким началом разговора, Морис Фуко несколько смутился.

- Простите, профессор, что я решаюсь отнять у вас ваши драгоценные часы,- сказал он и еще больше смутился, увидев, как профессор с испугом пощупал свой жилетный карман.

- То есть, я хотел сказать, деньги... то есть, время... ведь время деньги.

- Дурак! - крикнул попугай, и, чувствуя справедливость этих слов, Морис все же подумал: "Ты сама во всем виновата, проклятая птица".

- Видите, в чем дело,-сказал он наконец.- Я боюсь, что вопрос мой покажется вам несколько странным...

- Имейте в виду,-проговорил профессор,- что если дело идет о сборе на устройство бала в пользу пострадавших от революции...

- Никаких балов, уверяю вас... Дело вполне касается вашей науки. Скажите, существует ли в мире, вернее, на земном шаре, остров... простите, если я что-нибудь перепутал...остров Люлю?

Профессор задумчиво встал и подошел к большому глобусу, усыпанному таким количеством больших и маленьких точек, что его хотелось вымыть зеленым мылом.

- Что значит, существует или не существует, - произнес он, покачивая головой,- иные острова, вследствие вулканических изменений морского дна, периодически то существуют, то не существуют. Недавно группа островов Си-мо-а исчезла внезапно под поверхностью воды в то время, как жители справляли праздник царя. Ту-ту-ту, повторяющийся один раз в 170 лет! 170 число глаз возлюбленной Ту-ту-ту стонотой Иш-ты. Около 5.000 человек исчезло под водой.

- Какой ужас! - вскричал Морис.